

МАЛЬЦЕВА Дарья Александровна — к.полит.н., ассистент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3; buenafiesta@mail.ru)

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ И ФЕНОМЕН «МЕТИС» КАК ФАКТОРЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье подчеркивается концептуальная значимость стратегического менеджмента, методология которого выступила основной формирующей в рамках исследования процесса стратегического моделирования в политике. В статье также признается необходимость обращения к анализу понятия «метис», проанализированного в работе Дж. Скотта «Благими намерениями государства». Указанный концепт призван качественным образом преобразовать методики, привнесенные экономической наукой в алгоритм создания стратегических моделей в политике, путем обращения исследователя к анализу фундаментальных закономерностей развития политико-социальных систем в исторической перспективе.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, политические стратегии, «метис», прогнозирование, политическая эффективность, политическое управление

Как известно, специфика изучения феномена стратегического искусства базируется на утверждении непосредственной эволюционной смены теоретических школ стратегий. Зародившись в первой половине XX столетия в форме долгосрочного прогнозирования, процесс выработки стратегий выдвигал одну единственную базовую цель: составление прогноза деятельности на несколько последующих лет. При этом в связи с крайне медленными (в сравнительной перспективе) темпами нарастания характеристик изменчивости окружающей среды долгосрочное планирование как в экономике, так и в сфере политического, циклическое по своей сути, основывалось на экстраполяции уже сложившихся в прошлом тенденций развития той или иной структуры на современное ее состояние. По мере нарастания внутренних кризисных явлений и усиления напряженности в международных отношениях стало вполне очевидным, что прогнозы на основе экстраполяции неминуемо расходятся с событиями реального момента, а оптимистические цели в корне не соответствуют итогам. По мнению классика теории менеджмента Питера Друкера, особенно характерным примером несостоятельности долгосрочного прогнозирования выступила непосредственная работа администрации президента США Кеннеди. Несмотря на блестящий состав его администрации, ее членам удалось достичь лишь одного фундаментального политического успеха — выхода из Карибского ракетно-ядерного кризиса. Основная же причина неудачного завершения иных начинаний заключалась в том, что в дальнейшем получило название стратегического прагматизма, а именно в концентрации управления на предпосылках, характерных для послевоенного периода, но уже изживших себя для апробации в национальной и международной политике 60-х гг. [Друкер 2008: 50]. Таким образом, в условиях динамично меняющейся политической и экономической среды, трансформации культурных ценностей и все большего закрепления общемировой конкуренции выкристаллизовалась новая парадигма, принципиально отвергнувшая идею о предсказуемости и предопределенности любых мировых процессов как на микро-, так и на макроуровне, которая получила название стратегического планирования. На смену обращению к опыту прошлого пришли механизмы оценки внутренних структур организации, ее потенциала и целей, а также анализ внешнего окружения, детерминирующего ее эффективность. В структурах политического консультирования стали появляться элементы современной сравнительной политологии, направленные на оценку реалий зарубежной действительности; широкое распространение получили системы оценки динамики и рисков. Однако

перманентно трансформирующиеся запросы общества консюмеризма в 80–90-х гг. вновь поставили вопрос о поиске новой парадигмы управления политическими и экономическими процессами. Недостаточная динамичность механизмов стратегического планирования в условиях процветания информационного общества, процессов глобализации, высокой мобильности ресурсов, кризиса идеологий и т.д., минимизированный акцент на оперативном действии в комплексе с долгосрочным привели к формированию нового пласта в стратегической теории, расположившегося на стыке компетенций современного менеджмента и маркетинга и получившего название стратегического менеджмента.

Прежде чем рассмотреть специфику теории стратегического менеджмента, ее особенности и структуру, уделим внимание предпосылкам ее появления. Если сконцентрироваться на анализе методологического расцвета стратегического знания в XX в. и учитывать наиболее эффективные и перспективные экономические практики, становится очевидным, что из некогда сугубо философского концепта, используемого в военном искусстве, а также в делах политических, понятие стратегий тотально переместилось в дискурс рутинных политических процессов в форме выполнения вполне стандартных статистических процедур, разбивающих процесс формирования стратегий на ряд мелких локальных подпроцессов, что существенно упростило сущность феномена стратегий и еще более минимизировало использование глобального знания при их формировании. В чем же причина подобных упрощений, наблюдаемых в XX в.? Отвечая на поставленный вопрос, обратимся к работе Дж. Скотта «Благими намерениями государства». Несмотря на ярко выраженный антропологический и культурологический характер книги, ее содержание выходит далеко за рамки изучения какого-либо отдельного социального слоя, группы, нации, и скорее затрагивает отношения глобального толка между государством как сверхсубъектом и конкретным гражданином, в личностном основании которого лежат чувства свободы, высокой нравственности и достоинства. В самом общем смысле автор рассматривает стремительно развивающиеся технократические механизмы порабощения природы, унификации и авторитарного проектирования социальной жизни. Мысль Скотта заключается в том, что, начиная с определенного исторического периода (в разных сферах жизни его темпоральные границы различны), развитие цивилизаций, а значит и процессов, происходящих внутри них, пошло по пути существенного упрощения социальных систем, деструктивно влияющего на потенциал самоорганизации общества, но повышающего степень его прозрачности для наиболее эффективной реализации механизмов управления сверху. Данную эпоху автор назвал эрой доминирования высокого модернизма. Сам термин был заимствован Скоттом у известного англо-американского исследователя, экономиста и географа Дэвида Харви. Несмотря на многовековую историю формирования антропоцентристских концепций, Харви относил пик высокого модернизма к эпохе окончания Второй мировой войны, когда его действие стало тотально влиять на социальные трансформации, происшедшие во всех развитых странах и, как следствие, на формирование идеологии преобразования стран третьего мира в соответствии с новым обликом технократического мира. Вот что пишет Скотт по этому поводу: «Подобно любой идеологии, высокий модернизм имел специфический временной и социальный контекст. Подвиги национальной экономической мобилизации воюющих сторон (особенно Германии) в мировой войне, мне кажется, отмечают его высочайшие достижения. Это и не удивительно, его наиболее плодородная социальная почва и должна была найтись среди планировщиков, инженеров, архитекторов, ученых и техников, чьи навыки и положение он использовал для проектирования нового порядка. Вера в высокий модернизм не требовала никакого пересмотра традиционных политических границ; его представителей можно было найти в политическом спектре от левого конца до правого, но особенно часто они попадались среди тех, кто хотел использовать государственную власть, чтобы вызвать огромные, утопические изменения в народных привычках – привычках работы, образе жизни, моральном поведении и взгляде на мир... Рационализация и стандартизация, перевод сложного и причудливого социального иероглифа в наглядный и административно более удобный формат. Введенные

таким образом социальные упрощения не только позволяли более точно наладить сбор налогов и исполнение воинской повинности, но и вообще значительно расширили возможности государства. Они сделали возможными вмешательства государства в жизнь граждан с самыми разными целями, такими как санитарные мероприятия, политический надзор или помощь бедным» [Скотт 2005: 25].

По мнению автора, пресловутые процессы глобализации, высшей индустриализации, демократизации и т.д. также являются наиболее талантливыми созданиями высокого модернизма. Безусловно, подобные тенденции не могли обойти стороной и сферу стратегических исследований. Механизмы бюджетирования, планирования и т.д., являющиеся основополагающими концептами стратегических исследований в XX в., неоспоримо указывают на склонность к схематичному упрощению и понижению эффективности создаваемых стратегий, по большей степени игнорирующих глобальный социально-политический контекст того времени. Скотт выделяет 4 причины, спровоцировавшие подобные тенденции: 1) административное рвение, основывающееся на склонности к установлению порядка; 2) уверенность в НТП; 3) авторитарное технократическое государство; 4) обесиленное гражданское общество [Скотт 2005: 53].

Таким образом, становится очевидным, что в сфере построения стратегий подобные тенденции результировались в подмене философского знания статистикой, отведении индивиду роли лишь пассивного участника процесса построения стратегий, а не его конечного адресата, упразднении механизмов обратной связи с концентрацией на унифицированных процедурах прогнозирования и имплементации с целью создания «машины для жилья» из общества в целом и т.д.

Вышеуказанные тенденции в известной степени преодолевает теория стратегического менеджмента, синтезировавшая все наработки XX в. в сфере стратегического мышления и сконцентрировавшаяся на упразднении торжества статистических упрощений в ходе построения стратегий путем постановки акцента на анализе внешней среды в ее динамике. Стратегический менеджмент рассматривает построение стратегий как процесс, состоящий из двух подсистем: анализа и выбора стратегической позиции и оперативного действия в реальном темпоральном промежутке. Из этого следует, что стратегический менеджмент, в отличие от стратегического планирования, а тем более статистического бюджетирования, является подвижной, действенной переменной. Перефразируя П. Друкера, И. Ансофф пишет о том, что стратегическое планирование – это управление по планам, а стратегический менеджмент – это управление по результатам [Ансофф 1989: 70–93]. Последняя фраза подчеркивает акцент на перманентном мониторинге окружающей среды при построении стратегий, что крайне актуально в условиях увеличивающейся внешней неопределенности, трудно поддающейся измерению без чувствительных подсистем слежения, который способствует преодолению кризиса технократических упрощений. К основным достижениям стратегического менеджмента, особенно с точки зрения рассмотрения схем стратегического моделирования в политическом пространстве, стоит отнести следующие. Во-первых, стратегический менеджмент является эволюционным результатом всех предшествующих теорий построения стратегий, о которых шла речь ранее, т.е. он представляет собой сбор воедино всех атомизированных управленческих процедур, что предполагает и чисто экономические практики традиционного бюджетирования, без учета которых не может функционировать ни один современный политический процесс, и использование экстраполяции для оценки наиболее стабильных факторов, и применение классического стратегического планирования с его внутренней дисциплиной, и, наконец, адаптацию сформулированных решений, осуществляемых в реальном темпоральном контексте.

Во-вторых, стратегический менеджмент отличается крайне быстрой биполярной реакцией на трансформации среды – оперативной и долгосрочной в одно и то же время. То есть, долговременная реакция интегрирована в стратегические планы, а оперативная осуществляется в реальном времени и пространстве, не приостанавливая реализацию всего стратегического цикла. Рассматриваются не только механизмы адаптации к сюрпризам перманентно меняющейся действительности, но

еще и конкретные навыки изменения внешнего окружения с учетом поставленных стратегических целей, а значит, процесс управления становится не только упреждающим, но и реактивным. Таким образом, стратегии воздействуют на внешнее пространство с целью его трансформации. Указанные факторы объясняют стремление современных политических элит интегрироваться в бизнес-структуры и наоборот.

Вышеупомянутые достижения стратегического менеджмента, несомненно, указывают на актуальность данной парадигмы исследования при анализе стратегического моделирования в современной политике, однако приходится признать, что они дают возможность взглянуть скорее на формальную процедуру моделирования стратегий как таковую, как на некое ремесло, практик, нежели на ее внутреннее содержание и глобальные цели. Добиться несравнимо большего успеха в анализе феномена стратегического моделирования, опираясь на его сущность в контексте теорий стратегического менеджмента, можно, прибегнув к использованию древнегреческого понятия «*метис*». В подобном контексте стоит вновь обратиться к работе Дж. Скотта «Благими намерениями государства». В данной книге, как уже было замечено, автор дает оценку стремлению государства влиять на пространство и людей с целью их жесткого реструктурирования и создания наилучших условий для управления и контроля. По мнению Скотта, любые стратегические проекты переустройства государства были в итоге в корне неудачными. На первый взгляд, мысль автора кажется весьма парадоксальной. Однако Скотт поясняет, что речь здесь идет вовсе не о всецело провальных стратегических начинаниях, а о том, что полученные результаты были по большей степени невероятно далеки от изначального плана, даже с учетом серьезных осмысленных усилий на протяжении реализации самой стратегии. Именно здесь мы и сталкиваемся с необходимостью введения в анализ понятия «*метис*», которое приблизит исследователя к пониманию причин подобных неудач. В общем смысле явление «*метис*»¹ противопоставляется классическому дедуктивному, эпистемологическому знанию и представляет собой некую совокупность фундаментальных исторических, философских, культурных аспектов человеческого поведения, навыков и норм, без анализа которых ни одна насаждаемая сверху стратегия не может быть успешной. Для наилучшего понимания данного явления обратимся к словам самого Дж. Скотта: «Государственные чиновники могут навязывать свои упрощения, так как государство в совокупности своих институциональных установлений наилучшим образом подготовлено к тому, чтобы настаивать на обращении с людьми согласно своей схеме. Таким образом, категории, которые когда-то были искусственными изобретениями кадастровых инспекторов, переписчиков населения, судебных исполнителей или полицейских, могут организовывать повседневную жизнь людей, поскольку они внедрены государством в специальные институты, структурирующие эту жизнь. Экономический план, топографическая карта, отчет о собственности, план ведения лесного хозяйства, классификация по этнической принадлежности, банковский счет, протокол задержания и карта политических границ приобретают свою силу, так как все эти сводные данные являются отправными пунктами для действительности, как ее чувствуют и формируют государственные чиновники. При диктаторских режимах, где нет эффективного способа отставания другой реальности, фиктивные «бумажные» факты могут даже преобладать, потому что именно с помощью «бумаг» приводятся в готовность полиция и армия. В этом смысле для государства нет никакой истины, кроме той, которая зафиксирована в документах, специальным образом стандартизированных для этой цели. Ошибка в таком документе может иметь гораздо больше силы и удерживаться гораздо дольше, чем незаписанная истина» [Скотт 2005: 198]. Подобный взгляд существенно напоминает концепцию дисциплинарной власти Мишеля Фуко. Однако Скотт тотально отвергает идею Фуко, постулирующего тор-

¹ Метида, Метис (греч. *metis* – мысль, разум, мудрость) в древнегреческой мифологии – божественное происхождение разума. У Гомера метис, воплощающий божий промысел, противопоставлен гибриду, греху надменности. С развитием культурологических и антропологических концепций внимание ученых сконцентрировалось не на происхождении метиса, допуская как его божественную сущность, так и иные когнитивные, культурные и лингвистические варианты происхождения, а на содержании данного понятия, учитывая неизбежное присутствие феномена в любых общественных группах в форме неявных навыков поведения и мышления.

жество поднадзорных тел в пространстве [Фуко 1996]. Скотт полагает, что все проекты политического упрощения и экзистенциальной формализации неминуемо ведут к контрсхематичности и только «метис» способен преодолеть подобные стратегические коллизии. Подходы к определению внутреннего содержания «метиса» разнообразны. Речь может идти о практическом знании, основанном на философских или научных достижениях, об опыте, продиктованном историческим процессом и условиями развития цивилизации, о здравом смысле и даже о непосредственной ловкости ума. С одной стороны, определение «метиса» напрямую связано с пониманием этнометодологии Гарольда Гарфинкеля, однако Скотт в своих рассуждениях идет несколько дальше трактовки практической деятельности социальных групп, их эмпирической повседневности и т.д., которые должны быть учтены государством при построении стратегических моделей. Рассуждая о «метисе», автор дает понять, что любое пространство как социального, так и политического толка имеет внутри глубокие основания, продиктованные историческим процессом развития науки, философии и только как следствие – поведенческих характеристик индивидов. Только учитывая эти предпосылки, по мнению Скотта, человек способен органически находиться в рамках какой-либо государственности, приспосабливаться к ее трансформирующейся среде, а также анализировать окружающую действительность, оценивать противников, эффективно управлять, а также принимать на себя плоды управленческих стратегий. Учитывая знание «метиса», правительства способны формировать пространство для общественного размышления, обучения и критики, что путем внедрения техник интеллектуального управления помогает противостоять тирании повседневности и государственной стагнации.

В завершение вышеприведенного анализа выделим условия универсальности применяемых политических стратегий:

- согласованность и сплоченность, т.е. способность акторов политического пространства успешно использовать внутренние коммуникационные каналы между иерархическими структурами, институтами и секторами при подготовке и принятии ключевых решений;
- компетентность – адекватный существующим реалиям политической жизни уровень рациональной оценки ситуации и понимание центральных проблем деятельности;
- легитимность – уровень общественной поддержки и конформизма, т.е. способность акторов пространства формировать у управляемых социальных масс представление о наибольшей приемлемости собственной деятельности на фоне других игроков, трансакция ценностей и установок;
- эффективность – инструментальный показатель оценки эффективности принимаемых решений и имплементации результатов в политическую сферу.

Таким образом, достижения стратегического менеджмента, сконцентрированные в комплексе наработок современного маркетинго-менеджерального дискурса вместе с имплементацией универсальных структур «метиса», а именно общего глобального знания (социального, политического и культурно-ментального), нажитого человеческими цивилизациями, в синтезе способны приблизить исследователя к построению наиболее эффективных стратегий в политическом пространстве на современном этапе.

Список литературы

- Ансофф И. 1989. *Стратегическое управление*. М.: Экономика. 358 с.
- Друкер П. 2008. *О профессии менеджера*. СПб.: Альпина Бизнес Букс. 320 с.
- Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства*. М.: Университетская книга. 568 с.
- Фуко М. 1996. *Воля к знанию. – Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь. 448 с.

MALTSEVA Daria Aleksandrovna, Cand.Sci.(Polit.Sci.), Assistant of the Chair of Theory and Philosophy of Politics, Department of Political Science, Saint Petersburg State University (Smolnogo str., 1/3, St. Petersburg, Russia, 191124; buenaafiesta@mail.ru)

THE MAIN FACTORS OF THE DEVELOPMENT OF EFFECTIVE STRATEGIC MODELS IN POLITICS

Abstract. The article emphasizes the conceptual importance of the strategic management as the methodology which formed the basis for strategic modeling studies in contemporary academic field. The strategic management is defined by the author as the set of the policy decisions that affect on the perspective development of strategic models in politics, as well as the range of operational activities within a specific temporal interval that provides rapid response to the external conflicts in the sphere of modern politics. The article also recognizes the need to draw attention to the analysis of the concept of metis, proposed by J.C. Scott in his book «Seeing Like a State». Being used in the field of the political strategies implementation the specified concept is supposed to transform qualitatively major strategic techniques, which are common for economic studies, by claiming the need to analyze the fundamental laws of the development of political and social systems in historical perspective. Consequently, being opposed to classical deductive, epistemological knowledge metis forms a kind of conceptual integrity of fundamental historical and philosophical aspects of human existence, without which theoretical analysis of strategic modeling in political sphere is not able to exert a fully positive impact. Thus metis is designed to overcome the tendency to simplify strategic models both in the field of political competition, and political governance, and as a result, to abolish wide-spread practice of artificial imposing of the standardized ineffective patterns of state development.

Keywords: strategic management, political strategies, metis, political governance, political decision, strategic models

УДК 321.01

ЛИПАТОВ Олег Анатольевич – соискатель кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; helgardlinden@yandex.ru)

ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ ЭЛИТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы и характер участия российской элиты в формировании политики национальной безопасности России. Глобализация рассматривается как объективный процесс, в условиях которого возможен только перехват глобализационной инициативы у мировой супер-элиты, не желающей взаимодействовать в сфере мировой экономики на паритетных началах. Выдвигается тезис об исчерпании прогрессивного потенциала либеральной идеи в условиях перспектив постглобализма. В качестве альтернативы либеральной метапарадигме предлагается использовать мировоззренческую концепцию, базирующуюся на положениях теории русского космизма.

Ключевые слова: глобализм, метапарадигма, элита, национальная безопасность, либерализм, русский космизм

Глобализационные процессы, происходящие в мире, имеют в своей основе совокупность объективных причин. Прежде всего, это причины экономического характера, заключающиеся в том, что в глобальной экономике специализация может достигнуть максимального, планетарного уровня. Также только в глобализированной экономике есть возможность довести уровень производства до максимального масштаба и, как следствие, предельно минимизировать издержки. Уже из этого следует, что глобализация экономически выгодна и наиболее рациональна в создавшейся объективной экономической обстановке.

Глобализация предусматривает расширение беспрошльного товарооборота,